

В памяти Ваньянь Кана еще были свежи подробности оригинала: именно во время поездки в Монголию для вручения титулов Государство Цзинь выказало свою слабость. Увидев это, Тэмуджин осознал, что может без труда поглотить соседа. Но в этот раз всё будет иначе.

Обернувшись, Кан окинул взглядом воинов, следовавших за ним. Он едва заметно улыбнулся: эта армия — плод их с отцом трехлетних трудов. Они полностью преобразили войска, превратив их в грозную силу. Теперь это был не просто визит, а подлинная демонстрация имперского величия.

— Докладываю! — к ним подскакал гонец. — Ваше Высочество, Наследник князя Чжао, передовой отряд Тэмуджина показался в двадцати ли отсюда.

Наконец-то. Кан переглянулся с отцом, он многозначительно улыбнулся:

— Начинается.

Ваньянь Хунле посмотрел на сына с нескрываемой нежностью и гордостью:

— Что ж, Кан-эр, мне и самому любопытно взглянуть на племя Тэмуджина, о котором ты так пёкся. Посмотрим, на что они способны.

Двадцать ли для конного войска — путь недолгий, тем более когда оба отряда идут навстречу друг другу. Вскоре перед ними выросла стена монгольской конницы. Возглавлял её крепко сбитый, могучего вида молодой человек на высоком скакуне. Судя по всему, это был Джучи, старший сын Тэмуджина.

Мужчина, не слезая с коня, коротко приветствовал их, сложив руки в жесте «баоцюань»:

— Я — Джучи. По велению моего отца-хана я прибыл встретить шестого принца и Наследника князя Чжао. Простите, если наш прием покажется вам недостаточно пышным.

Не дожидаясь переводчика, Ваньянь Кан ослепительно улыбнулся, соблюдая все нормы этикета:

— Ничего страшного. Прошу тебя, брат Джучи, веди нас.

Чистый монгольский язык заставил Джучи на мгновение оцепенеть. Он пристально смотрел на юношу — с виду тому было не больше пяти-шести лет.

— Маленький принц прекрасно говорит на нашем языке, — невольно выдохнул он.

Кан лишь скромно улыбнулся про себя. Зная, что столкновение с монголами неизбежно, он загодя выучил их наречие. Переводчики — существа ненадежные, в их словах часто теряется крупица истины.

— Ты мне льстишь, — ответил он.

Лагерь Тэмуджина был уже близко, и за разговорами они добрались до него в мгновение ока. Сорок тысяч всадников хана плюс десятитысячный отряд сопровождения — каждый воин выглядел закаленным в боях. Пусть их снаряжение и уступало цзиньскому, мощь этой орды не стоило недооценивать.

Тэмуджин, завидев возвращение Джучи, тут же вышел навстречу гостям:

— Приветствую шестого принца и Наследника князя Чжао! Добро пожаловать в наши степи.

Кан вежливо рассматривал мужчину перед собой. Чингисхан... И впрямь, от него веяло грубой мощью.

— Великий хан слишком добр к нам, — вновь заговорил Кан по-монгольски.

Тэмуджин так и просиял. Государство Цзинь — великая держава, и то, что юный наследник обращается к ним на их языке, было не только огромной честью, но и знаком искренности их намерений. В глазах хана это возвышало достоинство империи.

Едва они спешили, Кан заметил вдалеке группу детей. Сверившись с тем, что он помнил из сюжета, он вновь улыбнулся:

— Отец, могу я ненадолго подойти к тем ребятам?

Ваньянь Хунле проследил за его взглядом:

— Редко ты проявляешь интерес к сверстникам. Ступай, но не задерживайся.

— Слушаюсь, — послушно кивнул Кан.

Он едва коснулся мысками земли и легко, словно пушинка, взмыл в воздух. Описав в небе грациозную дугу, Кан плавно опустился рядом с детьми — бесшумно, точно опавший лист.

Монголы, наблюдавшие за этой сценой, замерли в немом восторге.

«Неужели это небожитель?» — пронеслось в толпе.

Кан упивался произведенным эффектом. К счастью, техники его школы славились именно легкостью шага, а монголы имели весьма смутное представление о тонкостях боевых искусств Центральных Равнин. Такой психологический маневр был отличным началом.

— Привет. Меня зовут Ваньянь Кан. Можно мне поиграть с вами? — Он окинул взглядом ребят. Возраст разный — от четырех до десяти лет, обычная детвора, прибежавшая поглазеть на диковинных гостей.

Интересно, кто из них Го Цзин — будущий главный герой этой истории?

Вперед вышла самая маленькая девочка:

— Конечно! Я — Хуачжэн, — она указала на юношу рядом с собой. — Это мой четвертый брат, Толуй. А скажи... ты бог?

Хуачжэн, Толуй... Похоже, события развиваются быстрее, чем в книге.

— Почему ты решила, что я бог?

— Потому что ты умеешь летать! — Хуачжэн кивнула, подтверждая собственную догадку, и добавила: — И еще потому, что ты такой красивый.

«Красивый»? Пожалуй, это не совсем тот эпитет, который хочется слышать мужчине. Кан с легкой досадой посмотрел на девочку, которая явно не понимала двусмысленности своих слов. Стоявший рядом Толуй смущенно улыбнулся:

— Хуачжэн еще маленькая, она плохо подбирает слова. Прошу, не обижайся на нее, Наследник князя Чжао.

— Всё в порядке, она очень милая, — рассмеялся Кан. — К тому же я представился вам по имени. Если вы продолжите называть меня «маленьким принцем», это будет звучать странно. Хотите, чтобы я тоже звал вас «четвертым принцем» и «маленькой принцессой»? Называйте меня просто — Ваньянь Кан.

Толуй был славным, искренним юношей. Перед сестрой он старался держаться солидно, но тут не выдержал и весело кивнул:

— Хорошо, Ваньянь Кан!

К этому времени остальные дети разбрелись, и лишь один мальчик, примерно одних лет с Каном, продолжал стоять поодаль. Кан уже догадывался, кто это. Тот ребенок смотрел с явной враждебностью. В этой степи был лишь один человек, который мог с детства питать такую

лютую ненависть к цзиньцам — Го Цзин, с колыбели слушавший рассказы матери о жестокости «золотых псов».

«Наверное, он уже приписал смерть Юэ Фэя на мой счет», — подумал Кан.

При мысли о великом генерале Юэ он невольно вздохнул. Тот был истинным героем, но погубил его вовсе не Государство Цзинь и даже не интриган Цинь Хуэй. Истинным палачом стала трусость императора Сун. Ведь если бы Юэ Фэй вернулся с победой и освободил пленных императоров годов Цзинкан, что стало бы с тронном нынешнего правителя? Юэ Фэй был обречен стать жертвой политики, героем трагедии.

Толуй, заметив хмурого мальчишку, указал на него Кану:

— Это Го Цзин.

Догадка подтвердилась. Кан изобразил дружелюбную улыбку:

— Привет.

Го Цзин застыл в замешательстве. В его голове не укладывалось: как этот вежливый мальчик может быть «злым цзиньцем»?

«Если бы вместо меня приехал мой третий дядя, у тебя бы не возникло сомнений», — усмехнулся про себя Кан.

Переломить предубеждение, веками копившееся в душах сунцев, было почти невозможно. Кан взглянул на небо и слегка нахмурился.

— Заговорились мы. Отец, должно быть, уже беспокоится. Мне пора возвращаться. Пойдете со мной?

— Да! Я пойду с братом Каном! — Хуачжэн, смеясь, подбежала к нему и оглянулась на брата.
— А ты, Толуй?

Толуй перевел взгляд с Кана на Го Цзина, явно колеблясь.

— Го Цзин, может, пойдём вместе? Нам всё равно по пути.

Мальчик лишь упрямо мотнул головой — он не желал идти плечом к плечу с врагом. Толуй вздохнул и посмотрел на сестру:

— Ступайте первыми. Я побуду с Го Цзином.

Хуачжэн обиженно надулась, но всё же кивнула:

— Ну и ладно. Пойдем, брат Кан!

<http://bllate.org/book/17543/1702462>